Гельвеция «Об уме». В ее однотомных in 4° изданиях, появившихся в 1758 г., названные главы занимают страницы 321–360. В экземпляре такого издания, который побывал в руках Е. Р. Дашковой, а ныне хранится в Библиотеке Российской академии наук, на страницах 321–360 юная княгиня оставила многочисленные подчеркивания. Они имеются на страницах 331–335, 344, 346, 347, 349, 352, 353, 356, 358, 359. Все эти факты, особенно последний, почти убеждают. Я говорю «почти», ибо будущий президент двух академий подчеркнула еще 130 страниц, но перевод хотя бы одной из них нам неизвестен. А кроме того, не обнаружен автограф текста «О источнике страстей». С этой точки зрения проблема «Е. Р. Дашкова — переводчик сочинения Гельвеция „Об уме“» сравнима с проблемой «Е. Р. Дашкова — автор „Записок“». В том и другом случаях все говорит в пользу знаменитой россиянки, но автографы ее переводов из Гельвеция и воспоминаний пока не найдены.

Опубликовав в 1763 г. текст «О источнике страстей», Дашкова не перепечатывала его позднее и не раскрывала имени его составителя Объясняется это, по нашему мнению, не столько соображениями конспирации, сколько весьма сдержанным отношением и к трактату «Об уме», и к самому Гельвецию. Из записей Дашковой на книге французского просветителя следует, что увлеченность Гельвецием княгиня рассматривала как некое воплощенное свидетельство того, какой она была, пока не достигла «возраста разума».

Обратимся еще раз к отрывку из «Записок», который для многих служит решающим доказательством того, что Е. Р. Дашкова переводила Гельвеция и тем самым распространяла идеи французских просветителей. «Перечитывая книгу „О разуме“ Гельвеция, я пришла к заключению, что если бы не было второго тома этой книги, более приспособленного к пониманию большинства людей, и если бы ее теория не была приноровлена к состоянию вещей и человеческого ума, свойственному массам, то она могла бы нарушить гармонию и порвать цепь, связующую все столь разнородные части, составляющие государственность».[37]

Еще предстоит разгадать заключенную в первой части фразы загадку о «втором томе». Что касается ее концовки, то она отнюдь не свидетельствует о восторге усердной читательницы Гельвеция Подобная сдержанность понятна К.-А. Гельвеций — один из наиболее радикальных французских просветителей. Он принадлежал к числу левых социальных философов, точнее сказать — социологов-теоретиков, XVIII столетия. Дашкова же в

[37] *Дашкова Е* Записки Л , 1985 С 6